

Патьяна Алюшина

Свидание вслепую

Татьяна Алюшина
Свидание вслепую

«ЭКСМО»

2014

Алюшина Т. А.

Свидание вслепую / Т. А. Алюшина — «Эксмо», 2014

Зина жила словно в воронке торнадо – с того самого дня, когда впервые села за парту рядом с Ритой. Неприятности разного калибра следовали за подругой словно верная стража. Поэтому, когда Рита умудрилась запереть Зину в огромном шкафу вместе с незнакомым мужчиной, девушку это не слишком удивило. Но это нечаянное свидание вслепую неожиданно завело ее гораздо дальше, чем Зиночка могла предположить. Ранее роман выходил под названием «Сто удач и одно невезение»

© Алюшина Т. А., 2014

© Эксмо, 2014

Татьяна Алюшина

Свидание вслепую

*Моей большой, прекрасной, любимой семье,
и, в частности, замечательным тетюшкам
Октябрина Ильиничне и Марии Ильиничне,
посвящается.*

© Алюшина Т., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

* * *

Зинаида в полной мере прочувствовала точность определения «кромешная тьма»: да потому она и «кромешная», что кроме тьмы этой жуткой нет ничего – вообще ничего!! Первозданная, изначальная темень, с которой все началось – взрыв новой звезды, галактики, атомы – жизнь, которой все и закончится – наступит небытие!

И такой это, оказывается, «кромешный» ужас! Господи, как с этим предки-то дикие справлялись?! Оказаться в такой чудовищной темнотище, к которой ни глаз человеческий, ни организм в целом – ни привыкнуть, ни адаптироваться категорически не могут!

А еще, что самое поразительное...

Мистическим, сверхъестественным образом проснулись-всколыхнулись все задавленные, практически уничтоженные за ненужностью комфортом цивилизации первобытные инстинкты и скрытые резервы организма, обострив мгновенно во сто крат, а может, и поболее, все органы чувств и ощущений!

Зинаида чувствовала этого мужчину всеми вот этими самыми пугающе обострившимися инстинктами. И, не видя, ощущала его в метре от себя, на расстоянии вытянутой руки – слышала его дыхание, стук сердца, впитывала запах, чувствовала тепло, исходящее от его кожи даже через одежду, и, как ей казалось, даже мысли его слышала...

– Вы меня боитесь? – тихо спросил он, не тревожа понапрасну громкостью темноту.

Она услышала недосказанное, подуманное им: боится ли она его желания, которое чувствовала всей кожей, боится возможности воспользоваться странной ситуацией или даже нападения...

– Нет, – в тон ему, тихо ответила Зинуля. – Не вас.

Они помолчали. Оба сквозь вязкость первозданной темени договаривали не словами, а чувствами и обострившимися рецепторами недосказанное.

Не его! Себя! Она боялась себя, своего странного, необъяснимого желания броситься к этому незнакомому мужику в объятия – к нему, в него, позабыв обо всем на свете, – желания, от которого звенела кожа на всем теле...

– Я тоже, – еще тише признался он.

Помолчал и пояснил:

– Не вас.

И что-то надо было немедленно – нет, еще быстрее, чем немедленно! – говорить, делать, словами, действиями, чем угодно, сбить, нарушить эту странную, неожиданную пугающе-оглушающую невероятную тягу друг к другу!

Они оба, сразу, почувствовали взаимное желание-интерес, и нечто больше простого желания-интереса, как только встретились взглядом, а когда официально здоровались, пожилая друг другу руки при знакомстве, их так шибануло молнией в ладони, что пришлось отдер-

гивать руки и извиняюще улыбаться, изображая непонимание и испытывая обоюдную неловкость.

Но что бы там ни возникло между ними, удивив и слегка напугав, умело управлялось и загонялось куда подальше воспитанием и принятыми правилами поведения развитого социального общества. Подумаешь, кольнуло-шибануло! Подумаешь, от одного его взгляда голова закружилась – и что?!

Да ни-че-го!!

Вот именно! Как ему, так и ей. Два совершенно незнакомых человека, встретившихся по делу, скорее всего, первый и последний раз, и мирно благополучно расставшихся. И все правильно. Оба усиленно не придавали значения чему-то там, вроде повышенной заинтересованности, занявшись насущным деловым вопросом, из-за которого и встретились. И все.

Какие мансы?! Еще чего.

Оба прекрасно справлялись, демонстрируя хорошие манеры, умение управлять своими эмоциями... до того момента, пока не оказались в этой самой жуткой, бескомпромиссной «кромешной» тьме.

Наедине. Вдвоем. Запертыми!

Внезапно Зинуля перестала бояться – как отрезало! Себя, его, их обоюдного магнитно-непреодолимого влечения друг к другу, последствий возможных, запретов наистрожайших. Они внезапно обрели спокойное знание – в чем именно находили первобытные предки спасение от страхов первородной жуткой тьмы.

В единении!

Мужчина уловил, «считал» в ней эту перемену.

И протянул руку...

Жизнь – странная штука.

И эта ее всегда присутствующая странность пугает человечество всю его историю существования.

Непредсказуемость – самый страшный страх из всех людских страхов!

Нет, мы, конечно, заигрываем с судьбинушкой, втайне лелея надежды, что уж если и бахнет она этой своей непредсказуемостью, то уж верняк – в виде удачи, свалив на тебя счастье немереное, неожиданное-негаданное!

А вот так вдруг – и ты в шоколаде.

Ну, бывает же так?! Бывает!

Ну, чтоб ни хрена не делать, всяческих трудностей, испытаний, потерь, лишений не проходить. Миновать, так сказать, стадию подхода: за тридевять земель не шастать, железных сапог не истапывать, хлебом черствым не давиться, а – бац...

И сча-а-астье!

Скажем, богатство на голову свалилось, или там – принц на коне, и он тебя одну всю-то жизнь искал и любил – вот приехал, из навозу достал, помыл-накормил и приголубил. Или там, принцесса к Емеле на печь – прыг! – и «люблю-не могу, и полцарства в придачу, а ты лежи-лежи, милый»!

Да, лелеем, лелеем такие мечты втихаря, а чо! Я ж вон какой хороший – заслужил!

Но подгаживает одно: что ни сказка, что ни история из жизни, что ни книжка какая захудалая, а все без бития жизненного, лишений и трудностей всяческих не обходится. И все вокруг твердят – а ты потерпи! И золото с неба не сыпется. Вот же гадость в чем...

А та-а-ак – нет. Так мы не согласные! Так мы не хотим, спасибо.

И с детским жгучим любопытством, замирая, слушаем рассказы, что у кого-то тако-о-ое произошло! После всяческих тревог, ужасов и испытаний, уж такое счастье небывалое на него свалилось – по сей день счастлив и благоденствует. И радуемся, как дети, потаенно, в

душе, что случилось это не со мной, а с каким-то неизвестным Васей, а мне такое счастье и подавно не нать! Слава богу, что пронесло мимо! Я лучше здесь, в тишке отсижусь, зато без тревог и волнений. И посмеиваемся с гордостью отстраненного наблюдателя: «Ну, и дурак этот Вася, что вдряпался во все это! Вон ему как жизнь наподдавала! А я молодец, аккуратный, в истории не попадаю. И поговорочка дурацкая: «Не было бы счастья, да несчастье помогло» – это не про меня!»

А все-таки завидуем конечному результату приключений того самого Васи и надежду тайную сохраняем: а вдруг Боженка мне полный короб счастья-то отвалит – просто так!

Как в том старом анекдоте:

– Ты хотя бы билет купил! – возмутился Господь, уставший от бесконечных молитв и просьб старого еврея о большом выигрыше в лотерею.

А судьбинушка на все это тихо посмеивается, продолжает выкидывать свои кренделя, мало интересуясь нашими планами, желаниями и страхами.

Зиночка Ковальчук родилась в очень правильной, крепкой, полноценной семье, с правильными родителями, бабушками-дедушками, с правильными общественно-социальными устоями. И вся ее жизнь просматривалась, от рождения и до заката – прямолинейно, как Восточно-Сибирская магистраль со станциями-этапами становления: школа, институт, работа, замужество, двое детей, еще, и еще работа – ессесено, все правильное до тошноты. А потом – пенсия, внуки, шесть соток, счастье тихого огородничества, почетная старость в кругу родных и близких.

Красота несказанная!

Доброотно, прямолинейно, с неизменной уважухой и почтением окружающих за супер-правильность общественного поведения и бытия. Такое вот полотно жизни в серо-белых тонах, без узелков и вкраплений.

Ну что поделаешь: в такое время она родилась, когда перспективы хорошей жизни раскладывались в стандартный ряд, и ее папа и мама, как всякие любящие родители, желали дочери только самого лучшего: жизнь без изломов, потерь и потрясений – счастья, одним словом.

Тогда счастье и стабильность виделись именно так: высшее образование, да по барабану – какое, главное высшее, лучше – не сильно напряженное, инженер, скажем, учитель, переводчик. Работа, само собой, как эквивалент стабильности и пятнадцати-двадцатилетней очереди на получение личной жилплощади, семья, дети. А что еще?!

Все как у всех.

– Ха! – хмыкнула судьбинушка. – Щас-с-с!!

У нее имелись свои планы на жизнь Зиночки Ковальчук и разнообразие оной жизни.

Первые семь младенческих лет Зиночка прожила, как и ожидалось от нее, очень правильной спокойной, послушной девочкой, четко зная, как хорошо себя надо вести, не имела поводов к каким-либо конфликтам, в нормальной и любящей семье. «Спокойная, уравновешенная, послушная, с большими способностями к учебе, усидчивая, добрая, неконфликтная... и так далее» – с такой характеристикой она перекочевала из садика в школу, порадовав необычайно учителей всем вышеперечисленным.

Чем не идеал?

Вот вы бы не мечтали, чтоб ваш ребенок был уравновешенным, неконфликтным, спокойным, очень умненьким, не создающим никаких трудностей и проблем? Ну, вот и они, Зиночкины родители и учителя, радовались.

Ну-ну...

Зиночка замечательно (а как же еще!) училась в первом классе, как вдруг в их семье случился переезд. История со сложным обменом-разменом жилплощади всей родни – двух

бабушек-дедушек, и квартиры, в которой жила Зиночка с родителями – длилась долго, больше года.

Это не как сейчас вам: захотел – так на, пожалуйста! В любом риелторском агентстве подберут варианты, расселят в кратчайшие сроки, были бы деньги, квартиры и желание. А в те замшелые советские времена, когда всякое жилье находилось во владении одного хозяина, именуемого государство, за любыми пертурбациями с данной собственностью оно следило зорко и не очень-то поощряло. Найти подходящий вариант обмена, а главное – осуществить его было не просто делом нелегким, но приближавшимся к устойчивой невозможности. Однако законопослушная Зиночкина родня с убеждением: «Имеем право и необходимость» – долго и упорно занималась испортившим всех москвичей вопросом, старательно подбирая варианты и терпеливо обходя все инстанции.

Исходный посыл трудностей, созданных самими же обменивающимися сторонами, заключался в том, что оба родителя Зинули работали в центре, и добираться каждый день из спального района, где они проживали, на место трудовой деятельности было трудно и отнимало кучу времени, не добавляя радости к «светлым» будням.

Мама Зиночки, Светлана Николаевна, личность целеустремленная, упорная, уж если ставила перед собой какую-то задачу, то, как правило, добивалась желаемого результата, а папа и бабушки-дедушки за ней подтягивались, помогая и поддерживая. Посему, взявшись за обмен, мама своего добилась.

Но Зиночку проблемы взрослых не касались и не волновали, ее задача была – учиться, что она с успехом и делала.

А тут – переезд!

Весело! Интересно! Она ехала в грузовике и держала на коленках цветочный горшок со скрученной в моток длиннющей лианой, выполняя ответственное поручение.

И смотрела из окошка их новой квартиры, исполняя просьбу взрослых не мешаться под ногами, уткнувшись носом в стекло, как у подъезда из машины дядьки выгружают их вещи, и радовалась всему новому, и совсем чуть-чуть грустила, что пришлось расстаться со школьными друзьями.

Уже послезавтра, в понедельник, ей надо было идти совсем в другую школу. И теперь она всегда станет учиться в этой новой для нее школе, которая находится недалеко от их дома, по новому, неизвестному ей пока «месту прописки».

А мама все вздыхала вечером на кухне:

– Сорвали ребенка посреди учебного года, она только к коллективу начала привыкать!

– Ничего, Свет, – успокаивал папа, – и к этому привыкнет, адаптируется. Зато – центр, и квартира большая, как мы хотели!

Ну, не «центр-центр-центр» – Кремля из окошка не видно, но все-таки центр – рядом с Садовым кольцом, работой родителей и жильем маминых родителей, Зинулиных бабушки и дедушки.

– Да, Ген, ты прав! – веселела мама. – Сколько нервов потрачено и денег, но ведь не зря! Квартира замечательная – большая, просторная, а потолки! И родители рядом. И школа Зиночкина. Она умница, она со всеми уживется, и учиться хорошо будет, и подружек найдет. Да, Зиночка?

И Зиночка кивала, соглашаясь, обещая и учиться, и дружить, как ожидали от нее родители, а мама гладила ее умиленно по головке и целовала в макушку.

Ой, знала бы мама, что накликала на Зиночкину, а по ходу, и на их с папой головы...

В исторический понедельник, судьбоносный во всех глобальных жизненных масштабах для Зиночки, даже не подозревавшей о значимости наступающего момента, мама отвела ее

в новую школу, передала с рук на руки учительнице и, напоследок поцеловав любимое чадо, ушла на работу.

Зинулю, по такому случаю одетую в форму, наглаженную с особой тщательностью, в новые колготки и туфельки, с туго заплетенными косичками в огромных бантах, новая учительница, Антонина Михайловна, поставила возле себя перед классом и представила:

– Дети, это наша новая ученица, Зиночка Ковальчук. Она переехала из другого района и теперь будет учиться с вами. Помогите ей освоиться, подружитесь с нею. А теперь давайте все с ней поздороваемся!

И продирижировала на счет «три» нестройное детское:

– Зра-а-аствуй!

– Молодцы! – похвалила неудавшееся хоровое чтение Антонина Михайловна. – Зиночка, садись за вторую парту, с Риточкой Ковалевой.

По классу ветерком пронеслось шепотливое «Ой!» и последовавшее за этим множественное хихиканье в кулачки.

– Тихо, дети! – негрозно призвала к порядку учительница.

Собственно, выбора свободных мест имелось немного – пустая парта на «галерке» в левом ряду, одно пустое место в правом, тоже «галерочном» – рядом с толстым мальчиком, и то, куда указала Зиночке учительница – вторая парта в центральном ряду, возле маленькой худенькой девочки.

Учительница почему-то сочувственно вздохнула и мягко подтолкнула Зиночку вперед ладонью в худосочную спинку к предназначенному месту. А дети смотрели на новенькую с откровенной жалостью, пока она усаживалась, доставала из портфельчика тетрадки, учебники, ручки, карандашики.

– Здравствуй! – поздоровалась ее соседка по парте. – Меня зовут Рита. Рита Ковалева.

– Здравствуй! – ответила хорошо воспитанная правильная девочка Зина. – А меня – Зина Ковальчук.

– Давай дружить! – с ходу предложила Рита Ковалева.

И улыбнулась!

И эта ее удивительная чудесная улыбка озарила весь класс, как солнышко, все помещение – парты, стулья, классную доску, детей, учительницу!

Девочка Рита была миниатюрной, как эльф, с очень белой, светящейся кожей, с веснушками на носу, с огромными, карими, искрящимися, совершенно невероятными глазами, с кучерявыми черными волосами, заплетенными в толстую косу, заканчивающуюся пышным бантом, и чарующей улыбкой. Зиночка тоже была совсем маленькой и миниатюрной – как эльф номер два, но светленький. Она улыбнулась в ответ и сразу согласилась:

– Давай! Давай дружить!

– Охо-хо! – услышала она тяжкий вздох Антонины Михайловны и, оторвавшись от созерцания новой подруги, повернулась к учительнице.

Оказалось, что весь класс и Антонина Михайловна, все вместе, затаив дыхание наблюдали за процессом знакомства девчонок. И смотрели как-то очень сочувственно – в основном на Зиночку. А у некоторых детей во взглядах стоял настоящий страх!

– Ну, ладно! – хлопнув ладонью по столу, оборвала обмен взглядами учительница. – Приступим к уроку!

Все эти жалостливые вздохи Антонины Михайловны, смешки, ойканья и хихикания одноклассников стали трагически понятны и ясны Зиночке в тот же день.

Маргарита Ковалева являла собой центр притяжения всех, каких только возможно и невозможно, невезений, неприятностей и разрушений. Причем достававшихся ни в коем случае не ей самой, а всем, кого угораздило оказаться рядом, всем, кто не успел унести вовремя

ноги куда подальше. Самый наилучший и предпочтительный вариант – за горизонт: в другую школу, район, город, жизнь, в другое измерение!

Неприятности и напасти разного рода, которые аккумулировала вокруг себя девочка Рита, имели большую разрушительную силу и даже, как показала потом жизнь, носили порой глобальный характер, вплоть до вмешательства всяческих служб спасения. Но в полной мере поняла и прочувствовала это Зиночка потом, по нарастающей, по мере взросления стихийного ужаса под названием «Маргарита Аркадьевна Ковалева».

Пока шли уроки и короткие перемены между ними, ничто, как говорится, не предвещало. Разве что настораживало странное поведение новоявленных одноклассников, обходивших Зину стороной, не торопившихся общаться и знакомиться с ней, как призывала Антонина Михайловна. Риточка на перемены не выходила, оставалась сидеть за партой. Озарив Зиночку своей солнечной улыбкой, она сказала:

– Ты иди, познакомься там со всеми. Побегай, а я лучше посижу.

Зиночка, конечно, удивилась, но спорить и уговаривать не стала.

Оказалось – так оно было и лучше. Ой, как было лучше, когда Рита вот так сидела себе мирно за партой и не двигалась!

Все прояснилось окончательно и бесповоротно на большой перемене, когда Антонина Михайловна повела весь класс в столовую на полдник. Первой странностью, удивившей Зиночку, стало их с Риточкой полное одиночество за длинным столом. Все дети и учителя, находившиеся в столовой, предпочли рассестись за другими столами, плотными рядками, изрядно потеснив друг друга.

«Они почему-то не хотят с Риточкой дружить?» – подумала добрая девочка Зиночка.

Ну и пусть! Они не хотят, а она будет. Она с ней уже дружит, она слово дала. Вот!

На этом рассуждения правильного, честного и доброго ребенка были прерваны вступившей в действие основной жизненной миссией Риточки Ковалевой – нести неприятности всем, вовремя не увернувшимся!

– А ты где живешь? На какой улице? – спросила Риточка и потянулась за своим пирожком.

Заметьте – лежавшим на тарелочке, стоящей прямо напротив нее.

Но!

Задавая вопрос, Риточка сделала уточняющий жест ручкой и задела стакан с компотом, который не замедлил упасть, выплеснув в лицо Зиночке розовую жидкость, подразумевавшую некоторое содержание клюквы.

– Ой! Извини! – расстроилась необычайно Рита. Она предприняла попытку исправить содеянное и достала салфетку из подставки, которая стояла на столе в комплекте с солонкой и перечницей. Надо сказать, салфетки в советское время в местах общественного питания, включая и школьные столовые, нарезались малюсенькими треугольничками и имели наитончайшую структуру, что не позволяло им никоим образом исполнять свою основную гигиеническую задачу.

Первая эфирно-салфеточная субстанция скаталась на Зиночкином мокром личике руликом и куда-то исчезла. Риточка повыдергивала еще несколько салфеточных огрызков, не прекращая попыток помочь.

– Да ничего, – успокаивала новую подругу Зиночка. – Я сама.

И, по детской наивности, помня правила хорошего поведения и взрослых, и детей, мимолично удивилась, почему ни учительница Антонина Михайловна, ни уборщица столовой – никто – не проявили особого внимания к случившейся с ученицей неприятности и не поспешили на помощь.

Ну, да и ладно!

Она обнаружила, что скрутившиеся в рулики салфеточные треугольники закатились за ворот формы и теперь неприятно липли к телу под одеждой.

Доставать их на глазах у всех, внимательно наблюдавших суету за их столом, было неудобно, и Зиночка решила, что она сходит в туалет и там все достанет потом.

Знало бы бедное дитя, что будет потом!

Которое не заставило себя ждать....

– Ну, вроде все! – осмотрев дело рук своих, порадовалась Ритуля.

Она подкрепила свои слова взмахом ладошек, на излете которого зацепила теперь уже Зиночкин стакан с компотом, поспешивший упасть, пролив содержимое прямехонько за отворот форменного фартука Зинаиды. Клюквенная красота мгновенно просочилась через одежду, как через промокашку, аж до самых трусишек, под наступившее полное молчание в помещении столовой.

– Ой! – еще раз расстроилась Риточка, приступив к новой спасательной операции. – Снимай фартук, скорее, пока не промок!

И поспешила расстегнуть пуговицу на пояске Зиночкиного фартучка. Пуговка никак не поддавалась, Риточка дернула, пуговка улетела куда-то под стол, а лямка фартучка с треском оторвалась.

– Девочки, я думаю, вам надо пойти домой и там исправить нанесенный Зиночке ущерб, – спокойно предложила Антонина Михайловна, подойдя к ним, но держась на безопасном, метра полтора, расстоянии от их стола.

– Да, да! – почему-то сильно обрадовалась Риточка. – Мы сейчас пойдем домой и все исправим!

Идти домой Зиночка не могла: во-первых, она еще не знала дороги, а во-вторых, ее должна была забрать из школы бабушка, девочке строго-настрого запретили покидать школу одной, и уж тем более – с посторонними. А Зиночка – девочка послушная и правильная.

– Да ты не бойся! – улыбалась Риточка, прочтя, как с листа, все сомнения подружки на ее лице. – Мы пойдем ко мне домой, и моя бабушка все исправит! Мы тут совсем рядом живем, сразу за школой, через один дом. И дорогу никакую переходить не надо. И Антонина Михайловна разрешает!

Зиночка с сомнением посмотрела на учительницу: как это она разрешает такое безобразие – ходить без приглашения, без родителей в гости к чужим людям?

– Да, да, Зиночка, я разрешаю. Я из окна прослежу, как вы дойдете, из окна виден весь путь и Риточкин подъезд, – устало и как-то печально-торопливо заверила девочку учительница.

Значит так, на этом ничего не закончилось!

В гардеробе Риточка, переодевая сменку, покачнулась и ухватила для равновесия за первое, что попало под руку. Попала под ее руку Зиночкина косичка и Рита пребольно ее дернула, вырвав из косицы бант и несколько волосинок.

Ежесекундно извиняясь, тарахтя без остановки, обещая все-все исправить, Риточка изо всех сил старалась загладить уже нанесенный ущерб. Она почему-то взялась застегивать курточку на новой подружке, да так резко дернула застежку-молнию вверх, что защемила кожу под подбородком не успевшей отдернуть голову Зины.

Молнию расцепили, подбородок высвободили, Ритуля чуть не плакала от огорчения, Зина стоически молчала.

По дороге Рита продолжила изливать поток извинительных речей и, не глядя, куда ступает, все забежала вперед, заглядывая Зиночке в глаза. Да так скакнула, не заметив лужу, козой шалопутной, что грязная весенняя жижа с удовольствием обдала новые беленькие Зиночкины колготки...

К тому моменту, когда девочки наконец оказались перед дверью квартиры, в которой проживала с родными Рита, Зина являла собой наглядный экспонат побывавшего в катастрофе ребенка – мокрая до трусиков, в подранном, перекособочившемся на один бок фартуке, с развязанным, свисающим, забрызганным черт-те чем бантом на одной косичке и полным отсутствием второго на распустившихся волосах, с наливающейся синевой царапиной под подбородком, в изгвазданных грязью белых колготках и сапожках, и в куртке, карман которой был оторван с мясом, когда за него ухватилась Риточка, споткнувшись обо что-то у самого подъезда.

А Маргарита Ковалева сияла чистотой нетронутого одеяния, накрахмаленными, без единой лишней складочки бантами, начищенными до блеска сапожками и ослепительной улыбкой!

Ей не перепало ни единой компотной капли и ни единой капли из грязной лужи, ее никто не дергал, не застегивал, не вытирал салфетками, не теребил, за косы и карманы не хватал! Как отправили ребенка поутру в школу, таким же чистым и аккуратно-опрятным он и вернулся домой.

Дверь распахнулась, и остатки мыслительного процесса Зины Ковальчук, каким-то чудом не угробленные пока шоком от «общения» с новой подругой, были окончательно и победно уконтрапуплены невероятным зрелищем – пред ней предстала большая, монументальная, как Родина-мать, женщина! Большая – в смысле высокая-широкая, особенно по меркам малюсенькой Зины. Верхняя и нижняя части тела женщины потрясали необъятной широкомасштабностью, а между ними имелась талия, такая талия-талиа, тоже необъятная, но не терявшаяся в объемах.

Зинуля впала в благоговейный ступор, раскрыв рот и уставившись во все глазенки на дивное видение. Пожалуй, если бы она узрела ежика, делающего сальто, это зрелище привело бы ее в го-о-ораздо меньшую – особенно на фоне сегодняшних событий – в никакую, нулевую, стадию обалдения!

– Лева! – спокойно и громко прокричала женщина, обозревая Зиночку с ног до головы. – Риточка привела новую потерпевшую! Проходите, девочки!

Так и не захлопнувшую рот Зинулю, неотрывно рассматривающую крупноуважаемую «Родину-мать», втащили в прихожую, в которой тем временем образовался не менее колоритный персонаж – высокий, худой мужчина, с седыми длинными кучеряшками, растущими во все стороны от круглой, правильной формы, лысинки на голове.

– Що у нас тут, Симочка? – весело поинтересовался мужчина.

Зина, повернув голову, посмотрела на него, вдруг почему-то подумала, что ее сейчас начнут готовить и есть, как в самых страшных сказках!

– Лева! – попеняла женщина. – Ты таки напугал ребенка!

– Зиночка! – затараторила Рита. – Ты не пугайся, это мои бабушка и дедушка, они сейчас все-все исправят!

Перепуганная, ничего уже не соображающая Зиночка кивнула, переводя затравленный взгляд с бабушки на дедушку, и почему-то выдавила из себя писклявым фальцетом:

– Не-е здрасте...

Она хотела поздороваться по-настоящему, как и положено воспитанным правильным девочкам, честно-честно! Она и предположить не могла, и знать не знала, что можно так взять и сказать вообще: «Не здрасте!» Да никто так не говорит, это совсем уж неправильно, и почему так скакнуло с языка...

У Зиночки стали наворачиваться слезы на глаза.

– Симочка, я так понимаю, що ми имеем особо тяжелый случай! – разволновался мужчина, видя Зиночкины мучения.

– Да уж, Лева! Що ми имеем – таки ми имеем у весь профиль! Риточка, ты що сделала с ребенком?! – сурово вопрошала у внучки бабушка.

– Это моя подруга! – защищалась Риточка, по ходу объявляя и громкий статус, присвоенный Зиночке. – Навсегда! Она – сама лучшая девочка в мире!

– Перспективка, скажу я тебе, моя дорогая, не из самых приятных для этой девочки! – остудила красноречие внучки бабушка, и совсем другим голосом, нежно-задушевым, взяв Зиночку за ладошку, заговорила с ней:

– Идем, маленькая, все будет хорошо. Сейчас мы тебя умоем, причешем, все вещи почи- ним, постираем и накормим пирогом.

И Зиночка сразу передумала плакать, пугаться и расстраиваться, поверив всем обещаниям этой женщины. Ее раздели, помыли под душем, укутали в смешной махровый халатик (наверное, Риточкин), усадили за большой круглый стол на кухне, подальше от претендующей на роль подруги до скорого, с такими темпами, гроба Риточки и накормили вкусным-превкусным пирогом с малиновой начинкой. А еще – напоили чаем с лимоном и сахаром. И так ей стало спокойно, легко и радостно, словно она попала в дом родной.

– Зиночка, ты знаешь свой домашний адрес и телефон? – спросила бабушка со странным именем Сима.

Она сидела рядом с Зиночкой на стуле, надев очки на самый кончик носа – так смешно! – и зашивала карман ее курточки.

– Надо позвонить твоим родителям: сообщить, что с тобой все в полном порядке, чтобы они не волновались, – пояснила она.

Как все правильные дети, Зиночка знала свой адрес и телефон наизусть. Но поскольку они только что переехали, мама положила ей в портфель записку со всеми координатами, а также рабочими телефонами родителей и ближайших бабушки и дедушки, на всякий случай. Как оказалось, не замедливший случиться в первый же день учебы в новой школе.

Риточкина бабушка дозвонилась до Зиночкиной бабушки, деликатно объяснила ей ситуацию, продиктовала свой адрес и телефон и, быстро ликвидировав последствия всех катастроф, исправила и неприятное впечатление от сегодняшнего дня.

– А что, Зиночка, ты в классе новенькая? – спросил дедушка Лева, ласково улыбаясь девочке.

– Да, – кивнула та, принимаясь за второй кусок пирога, – сегодня пришла первый раз.

– Понятно! – вздохнул дедушка Лева. – Про Риточкины, скажем так, специфические способности знает уся школа, а тебя, детка, выходит, не предупредили?

– Нет, – призналась Зиночка и твердо заявила:

– Риточка – моя подруга, что ж теперь!

– Охо-хо! – посетовала на столь опрометчивое заявление бабушка Сима и мягко предупредила:

– Не спешила бы ты с дружбой, деточка. Риточка – хорошая и добрая девочка, но...

На следующий день, во вторник, еще более эпохальный и значимый для Зинули, как выяснилось, чем предыдущий, можно сказать, «черный понедельник», когда она вошла в класс... На нее смотрели в немом ожидании все – и одноклассники, и учительница Антонина Михайловна. Повисла такая напряженная тишина, что было слышно, как за стенкой, в соседнем помещении, учитель начал урок. Зинуля очень хорошо понимала, чего от нее ждут – решения, вот чего!

Накануне вечером родители и оба набора бабушек-дедушек, рассевшись за столом на кухне, призвали ребенка для серьезного разговора. Бабушка, мамина мама, которая забирала Зинулю из дома Риточки, в подробностях описала, что произошло с внучкой, не забыв упомянуть, что семья той девочки потери старательно исправила и компенсировала.

– Надо отдать должное порядочным людям, – заметила бабушка с большим сочувствием в голосе, – они честно рассказали о трудной участи внучки, имеющей такой недостаток, как притягивание всяческих несчастий и напастей на головы приближающихся к ней людей. Бедный ребенок!

– Зиновья, ты понимаешь, что дружить с этой девочкой просто опасно? – строго спросила мама.

– Доченька, мы понимаем, как это некрасиво и, наверное, неправильно – отказаться с ней дружить, – подхватил папа, – но даже ее родные признают, что девочка, сама не понимая и не желая того, наносит всяческий вред окружающим, вплоть до физических травм! Что мы, кстати, наблюдаем в виде синячиц у тебя под подбородком! Стоит прислушаться к взрослым и держаться от этой Риточки как можно дальше! И уж тем более ни в коем случае не дружить с ней!

– Категорически! – вставил дедушка, папин папа, подкрепив требование хлопаньем ладони по столу.

– И ничего в этом нет нечестного и несправедливого, – вступила в воспитательный процесс бабушка – мамина мама, – тем более, вы еще даже толком и не подружились! Всего-то один день знакомы!

– И уже такие напасти и несчастья на тебя! – дедушка – мамин папа – тоже не задержался с высказыванием.

– Нет-нет! Не надо с ней дружить, ни в коем случае, и немедленно пересесть за другую парту! – подала голос бабушка – папина мама (ну, а как же! Все ж участвуют!). – Найди другую подружку!

– Но я уже с ней дружу, – возразила Зинуля. – Она хорошая девочка!

– Никто и не спорит, хорошая, – согласилась мама.

– Но опасная! – повысила голос бабушка – мамина мама – и втихую, чтоб не заметили, перекрестилась.

В тот момент, растянувшийся, как показалось маленькой Зиновье, до бесконечности, когда весь класс и учительница смотрели на нее в ожидании – какой выбор она сделает, все, кроме Риты – Риточка склонилась к парте низко-низко головку, – Зинуля вспомнила все бесконечные требования, пояснения-наставления родственников и поняла, что ничего не боится.

Вообще!

Вариантов имелось в наличии три: направо – на галерку, к Лешке Соколову, налево – на галерку сидеть за партой одной и самый невозможный – прямо к Рите!

Маленькая семилетняя Зиновья, гордо вскинув голову, расправила худенькие плечики, твердой походкой прошествовала через класс и села рядом с Риточкой.

Девочке было все равно – правильно она делает или неправильно, что скажут взрослые и подумают одноклассники и учительница, и будут ли ее ругать родители и сторониться дети, и какие возымеет последствия это ее решение!

Зиновья не боялась оказаться неправой, осужденной, наказанной, потому что в тот момент она была абсолютно свободна и чувствовала вкус этой свободы!

И, между прочим, первый раз в жизни проявила имевшийся у нее в полном боевом наличии железный характер.

Села за парту с Ритой, раз и навсегда – до конца школы, и на всю жизнь, тем самым кардинально и бесповоротно изменив свою судьбу.

Через месяц Зинуля научилась предугадывать и предотвращать неприятности и несчастные случаи, от мелких до весьма серьезных, сыпавшиеся на нее в изобилии по милости подруги. Правда, для этого пришлось выработать целую тактику хотя бы относительной безопасности, совместно с Ритулиными родственниками, регулярно посещая ее милых бабушку и дедушку для ликвидации последствий.

Ну, и потерпеть, само собой!

А еще – отстоять принятое решение в своей семье, обнаружившей тот поразивший их до глубины души факт, что их маленькая, хрупкая, тихая-послушная девочка имеет силу воли и характер такой твердости, что им можно гвозди забивать.

Несколько дней подряд они всем составом уговаривали свое чадо, грозились принять меры, перевести в другую школу, наказывали лишением сладкого и похода в кино, снова настойчиво уговаривали, когда дите приходило с очередным ушибом или синяком, даже плакали, но...

Смирившись, тягостно-безысходно повздыхав, пошли знакомиться с Риточкиной родней и принимать участие в выработывании тактики и методов профилактики Зиночкиного «непопадания под раздачу».

А куда деваться! В связи с фатальностью ситуации становилось ясно, что тесных и постоянных контактов двум семьям не избежать, мало ли в какие неприятности и беды втянет девчонок Риточкино глобально распространяемое невезение.

Основной причиной возникновения шквала несчастных происшествий на головы и остальные части тела оказавшихся рядом с Риточкой людей являлась ее неумная страсть к энергичной жестикуляции во время произнесения любых слов.

Светлана Николаевна, мама Зиночки, придумала гениальный ход – предложила положить в оба кармашка форменного школьного фартука и во все остальные карманы одежды Риты по несколько стеклянных шариков и внушить ей – как только тебя потянет махать руками, перебирай шарики! Придумок и предложений выдвигалось множество, но прижилась только эта, остальные профилактические действия Зинуля предпринимала в дальнейшей жизни уже сама.

А на первых порах, как только Риточка начинала движение кистями рук, вне зависимости от того, где они находились и что происходило вокруг, маленькой Зинуле, научившейся зорко следить за подругой, приходилось кричать:

– Шарики!

И так – по тысячу раз в день!

Но в скорости, где-то через полгода, напоминать уже не приходилось: Рита выработала привычку и сама помнила о профилактике.

Вот так и началась их дружба и жизнь вместе.

А что?

Живут же люди возле действующих вулканов – и ничего! Не жалуются, и, по слухам, хорошо им, в тепле и радости!

Дружба девчонок изменила не только их самих, но и жизнь обоих семейств. Риточкины родные души в Зинуле не чаяли, испытывая глубочайшую благодарность, очень быстро переросшую в любовь, и сроднились с ней и ее близкими. Они прекрасно отдавали себе отчет, что Ритулю ожидала перспектива полного одиночества и вынужденной изоляции – ни друзей, ни подруг... И еще большой вопрос – как там сложится впереди с молодыми людьми и личной жизнью? Но втайне они все же лелеяли надежду и молились: «Может, пройдет, перерастет со временем?»

Не переросло. Не рассосалось, а крепчало по мере взросления, принимая гораздо более разрушительные масштабы, что ни в коей мере не мешало Ритке жить вполне даже благополучно и счастливо.

Зато им с Зинаидой не приходилось скучать ни одного дня, а вместе с ними – и всем родным, об этом и говорить нечего!

Девочки учились очень хорошо, на пятерки и редкие четверки, всегда и везде бывали вдвоем.

А как еще?!

Даже в классном журнале их фамилии, согласно алфавиту, стояли одна за другой: Зинаида Ковальчук, Маргарита Ковалева. И, как выяснилось, они были единственными на всю школу, кто имел такие имена – было бы странно, если бы сложилось по-другому...

Микросоциум под названием «школа» создал вокруг них некий вакуум безопасного расстояния, что имело свои бо-о-ольшие плюсы.

Ну, например, Зиночку и Риточку никогда не приглашали на массовые мероприятия, в те времена проходившие в неизмеримых количествах, а даже напрочь заранее исключали из всех списков. Так что построение на общей школьной линейке, сбор макулатуры, политинформации и всяческие конкурсы-концерты в актовом зале, собрания пионерско-комсомольских ячеек, субботники и так далее, до бесконечности, их не касались.

Чем не жизнь! «Не кочегары мы, не плотники!»

Но в полной и окончательной мере семья Ковальчук осознала, чего ожидать от дружбы доченьки Зины с Ритой и ее семейством, после летних каникул, которые девчонки провели в Одессе.

О, это было эпохально!

Надо сказать, Риточкина семья была совершенно необыкновенной, уникальной. Ну, разве в обычной семье могла появиться такая девочка?

Мама Риты, Софья Львовна, родилась и выросла в Одессе, как родились, выросли и всю жизнь проживали там все ее предки, неизвестно в скольких поколениях, которые вели свое начало чуть ли не с основания этого города Дюком Ришелье. И в соответствии с этим все они имели привычки, характеры, темперамент и национальность местных одесских жителей – со всем вытекающим из этих обстоятельств колоритом.

Зато папа. Аркадий Петрович, являлся не менее коренным, правда, в гораздо меньшем количестве поколений, москвичом, с ярко выраженной русско-московской национальностью.

«В те далекие-далекие времена, когда Красная Армия...»

Примерно тогда Аркашу Ковалева, в возрасте двадцати двух годов, юношеское вдохновение и надежда на лихой отдых принесли после успешного окончания института в Одессу.

Выбор отдыха у моря в те времена не пестрел разнообразием – в Турцию никто не приглашал, а за попытку «пригласиться» самому маячила перспектива отправиться ровно в противоположную сторону и в сопровождении конвоя. Но кое-какой и совсем не плохой выбор морских курортов имелся и на территории страны.

Пятеро друзей-однокурсников, посоветовавшись, решили двинуть в Одессу.

Там и случилось Аркаше на пляже узреть местную красавицу Сонечку Левинсон! Видение потрясло бледного москвича, свеженького выпускника архитектурного института, и ввергло в эротический коллапс!

Надо отдать должное вкусу юноши – впасть в шок было от чего!

Сонечка являла собой редкое зрелище небывалой экзотической красоты – фигурка, как песочные часы, с наитончайшей талией, высокой и гордо стоящей грудью четвертого размера, умопомрачительной формой бедер, плавной линией переходящих в длиннющие ножки! Добавим к полноте картины гриву кучерявых черных волос, струящихся до ягодиц, огромные шоколадные глаза, яркие губы и тонкий носик.

Представили?

Во-от! А он увидел! И парня понесло-о-о-о...

Все это дышало, двигалось, смеялось и, для полного боекомплекта, обладало юмором самой наивысшей пробы, то бишь – постоянным, непрекращающимся и искрометным.

Казалось бы: и счастья вам, дети!

Ан нет! Имелось одно труднопреодолимое «но». Видение небесной красоты, ума и юмора имело сложные, натянутые отношения между государством и пятым пунктом в паспорте в графе «национальность», а к ней – одесскую прописку и многочисленную родню. А страна в

те «далекие-далекие...» проявляла настороженность и мягкую враждебность к гражданам с национальностью «еврей».

Юного Аркашу такие мелочи в борьбе за любимое белое тело не могли остановить, и уже на третий день знакомства он имел «щастье» представиться родителям и неисчислимым родственникам любимой, неосторожно объявив о своих далеко идущих матримониальных планах.

Конечно, он не был идиотом. В те «застойные» все прекрасно понимали правила выживания в стране и умело подстраивались, обходя острые углы, радостно официально улыбались и кричали на парадах и «тематических» митингах «ура!», но шушукались на кухнях...

Но мальчика таки сразила любовь! И у мальчика таки имелся характер.

Экстренным порядком из Москвы прилетели родители – спасти свое чадо. Но Сонечкины родители, пардоньте-с, тоже были грамотно сделаны в свое время их родителями и политику партии и государства разумели более чем хорошо, а уж как выживать во все времена и при любых правителях – это у них «у генах» сидит!

Так что встречу будущих «дорогих родственников» на аэродроме провели всей многочисленной родней, не дав бледным москвичам опомниться.

Старшие Ковалевы находились в состоянии, близком к инсульту, в полной панике – сыночек, единственный, холимый-лелеемый! Как говорится: «В такой прекрасный день, и такая вот фигня!»

Уж лучше бы он женился на дочери заслуженного якутского оленевода Бельдыева, получавшего несусветную зарплату, измеряемую тысячами рублей, раз в год, когда снег сойдет и он доберется до конторы, а основное время проводящего в тундре, в чуме, за полярным кругом!

Но сынок железно стоял на своем: «Люблю, женюсь!»

Родители попробовали заходец с другой стороны:

– Тогда – свадьба в Москве!

Имея тайный расчет: от подачи заявления в загс до регистрации ждать три месяца – успеем отговорить! Костями ляжем, а что-нибудь придумаем!

– Да ви що!

Так добродушно отвечала им Сонечкина родня, мягко усаживая за стол, потчуя фаршированной рыбкой (именно так, через «и»), фирменным борщом (именно так, через «сче») из утки, с пампушками, домашней наливочкой под соленья-маренья и рыбку домашнего же засола, и это было только начало!

– Та зачем нам с вами этого надо? – подливая и подливая «у рюмочки» знатной на усю Одессу наливочки. – Що та Москва?! Пильно, душно, народ-машины... То ли дело у нас! Ми такую свадьбу загреми! Опять-таки хрукты, овощи, море, а как тетя Сара готовит!! Цимус! Ви такого у жисть не распробовали!

Уболтали, заболтали, затрындели все московские резоны! Не дали перехватить инициативу. А то – только пусти в ту Москву дочь, и девочка останется не при муже!

Вместо положенных трех месяцев ожидания в загсе, через Левушку Гринберга и его маму («дай бог ей здоровья!»), «вишли» на Фаину Абрамовну у горисполкоме («и ей не хворать!»), а она «спустила» приказ – и «детей» расписали через две недели.

Ото пол-Одессы гуляло!

А що бил за стол, я вам скажу!

Передаваемые с рук на руки, как эстафета, от одних родственников к другим, родители-Ковалевы, закармливаемые гостеприимством до икоты и колик, убаюканные активным отдыхом с рыбалкой, морем, шашлыками и выездами на разнообразную природу, не успели сообразить, как оказались на регистрации брака родного сына в Одесском загсе.

Мечта об альтернативном «меньшем зле» в лице дочери якутского оленевода Бельдыева растаяла призрачным дымком, тюкнув реальностью по сознанию в виде громкого «горько!»

и поздравлений молодым с законным государственным разрешением на активный секс и размножение.

Серафима Моисеевна, бабушка Ритки, обладала уникальным даром рассказчицы, обогащенным умением посмеяться, прежде всего над собой, насыщенным непередаваемым одесским диалектом и красочностью описания событий. Зинуля с Риткой могли часами, открыв рот, слушать ее истории о родственниках и знакомых и обливаться слезами от хохота. А как она рассказала про эту свадьбу!

За свадебным столом, во время набирающего обороты разгуляева, одна из подруг Серафимы Моисеевны с плохо скрываемой завистью поинтересовалась:

– Симочка, а как вам таки удалось оторвать себе такое счастье: мальчика с русской фамилией и московской пропиской?

– Измором! – честно и весело призналась Серафима Моисеевна и хлопнула за «такое счастье» наливочки.

Отгуляв свадьбу, дети уехали жить в Москву.

А куда? Не в Одессе же париться!

А неисчислимая родня осталась и дальше проживать на берегу Черного моря, что не помешало ей помочь молодым приобрести кооперативную квартиру в Москве. Это, кстати, мгновенно примирило московских родителей и родственников жениха с выбором невестки. А когда родилась Ритуля, путем сложных переговоров-обменов, через многочисленных знакомых и родственников знакомых, осевших в Москве одесситов, родителям Сони удалось поменять первоначальную кооперативную квартиру на гораздо большую в центре.

Одесские родственные связи, хочу вам заметить, это великая движущая сила «у во всем мире, щоб ви знали»!

Имелись у семьи и свои «стратегические» запасы на черные дни, но это отдельная история, из серии семейных преданий, которую надо рассказывать отдельно, смакуя и радуясь.

Кстати, о преданиях – первая поездка Зиночки в Одессу!

Девчонки окончили первый класс, на удивление – без телесных повреждений и особых потерь для Зинули, если не считать гибель новой школьной формы, пары сандалий и так, по мелочи: банты, гольфики, учебники и стопка тетрадок, не говоря уж про ручки, карандаши и пуговицы...

Ритулю, как водится, не зацепило вовсе.

Встал насущный вопрос о летнем времяпровождении детей. Ковальчуки собирались отправить Зинаиду на дачу к бабушке с дедушкой, папиным родителям – «прекрасные шесть соток», рядом лес, озеро, природа, одним словом, а в июле – в пионерский лагерь. Наши барышни выступили одним ревущим фронтом, категорически отказываясь расставаться хоть на день:

– Я без Зиночки пропаду-у-у! – рыдала Риточка, хватаясь за подругу.

Факт, между прочим, неоспоримый – пропадет! Постоянное присутствие Зинули рядом в разы уменьшало непредвиденно-травматические происшествия для окружающих.

– Я Риточку не оставляю! – вторила Зина, пуская слезу, но более скупую.

– Та какие проблемы! – воскликнула бабушка Сима и обратилась к родителям Зиночки:

– Светочка, Гена, отправим девочек у Одессу на усе лето!

– Как это? – насторожилась Светлана Николаевна.

– Поездом, – пояснила бабушка Сима. – Мы с Левочкой и девочки с нами.

– Ну, не знаю... – сильно засомневалась мама Зины. – Здесь хоть мы за ними присматриваем, сдерживаем как-то...

Это надо было так понимать, что Риточка там, в Одессе, на свободе, угробит беззащитную Зиночку окончательно.

– А куда нам еще смотреть? – удивилась Серафима Моисеевна.

– Да ви не сомневайтесь, Светочка! – присоединился к уговорам дедушка, Лев Абрамович. – Ми глаза только на них держать будем! И хочу вам сказать: таки море, солнце, фрукты, и таки свежие! А ви себе спокойно отдохнете от дитя!

Ну, и уговорили ведь! В начале лета, в июне, родителям удалось навестить дочурку, приехав на недельку. Успокоенные увиденным, оглушенные одесским гостеприимством, загоревшие, родители Зиночки вернулись домой, оставшись «уполне» довольными правильным летним оздоровлением своего ребенка.

Казусы начались по возвращении чада в конце августа.

Встречать Зиночку отправился папа, взявший по такому случаю отгул на работе, мама же отпроситься не смогла и при важном событии не присутствовала.

Папе пришлось единолично перенести потрясение.

Начнем с того, что своего ребенка он не узнал!

Зиночка стояла на перроне, охраняя уже вынесенную из вагона часть багажа, чуть опоздавший к приходу поезда папа мягко отодвинул ее с дороги и пытался попасть в вагон сквозь выходящих из него пассажиров.

– Папа, ви куда? – услышал Геннадий Иванович знакомый голосок.

Он обернулся – и офонарел!

Вместо малюсенькой худющей доченьки с прутиками ножек-ручек, белокожей дюймовочки с темно-русыми, не самыми густыми волосиками, на него знакомыми серыми глазами-блюдцами взидала упитанная, сбитенькая такая, загорелая до шоколадного отлива девочка с выгоревшими на южном солнце волосами, приобретшими объем и красивую шелковистость.

– Зиночка, это ты? – ошарашенно спросил папа, у него даже голос охрип от потрясения.

– Таки ви знаете: да, это ваша Зиночка! – подтвердил его предположение вышедший из вагона Лев Абрамович.

Дальше – больше!

Мама, которой все-таки удалось уйти пораньше с работы, встречала их дома горячим обедом и ошарашенным взглядом – узнать-то она дочку, конечно, узнала, но таких метаморфоз не ожидала никак!

Однако, слава богу, ребенок похорошел, сразу видно – оздоровился, поправился, так и хорошо! А то как все переживали, что худенькая совсем, и есть не заставишь! Зинулечку зацеловали, затискали родители и дубль бабушек-дедушек, пришедших на праздник приезда внученьки – соскучились ужасно!

«Скорее за стол! Пообедаем, отметим, поговорим-расспросим!»

И вот – шестеро взрослых, молча, со смешанными чувствами наблюдают, как Зинаида наворачивает вторую порцию жареной курицы с картошкой. Доев, ребенок чинно положил вилку на пустую тарелку и изрек с авторитетным видом:

– Що я вам скажу, мама, за вашу еду – таки вам надо учиться готовить!

Повисла тишина, сопровождавшая процесс осмысления взрослыми высказанного наставления, а затем раздался взрыв безудержного хохота, папа чуть со стула не упал, но был вовремя подхвачен мамой.

И как они начали смеяться этим вечером, так и продолжали еще недели две-три, выслушивая Зиночкины высказывания в этническом одесском стиле, с обращениями во множественном числе к родителям, с «и» вместо «ы» во множестве слов, пока она не переучилась заново говорить на московско-русском диалекте.

В школе наблюдалась приблизительно та же картина.

Первого сентября Антонина Михайловна, увидев двух поправившихся, загоревших крепышек, улыбнулась приветливо и поинтересовалась, где девочки отдыхали.

– Так у Одессе, – ответила Рита.

После первого, вводного урока вторым шла математика. На вопрос учительницы – сколько будет тридцать шесть разделить на три, Зинаида Ковальчук, привыкшая к шумной многочисленной одесской семье, не утруждающей себя особыми политесами, громко, на весь класс, сообщила:

– Таки двенадцать! И що тут думать, я вас умоляю! – и для убедительности пожала плечами.

Она тут же успела перехватить локоток Ритули, летящий ей в ребра, тем же не тихим голосом предупредив:

– Не делай телесных движений, Риточка!

Это была фраза, которой вся южная родня останавливала разрушительное дитяtko.

– Я только хотела тебе напомнить, Зиночка, що у Москве так не разговаривают! Ми же не на Привозе, ей-богу! – ни на децибел не тише подруги заявила Риточка.

Беседу наши барышни вели, как на том самом пресловутом Привозе: мало обращая внимания на окружающих и обстановку вокруг. Антонина Михайловна прихлопнула рот ладошкой, не глядя села на стул и начала трястись в беззвучном смехе.

Одесса стала вторым родным домом для Зинули, девчонки проводили там все летние каникулы, а «паровозом» – и родители, и бабушки-дедушки Зины, ставшие одной семьей с многочисленной родней Риты.

Почему-то в тот момент, когда мужчина в темноте медленно протягивал к ней руку, она не видела и не слышала этого движения – чувствовала! Он еще не дотронулся, а она его чувствовала. И в этот крошечный момент, за миг до прикосновения, она ярко-ярко, как вспышку, вспомнила свое знакомство с Риткой, и тот, все изменивший в ее жизни вторник, и непередаваемое чувство абсолютной свободы, когда она сделала свой выбор!

Это яркое ощущение Зиночка запомнила навсегда.

И Одессу вспомнила, и как папа ее не узнал, и как она «выкала» родителям, вернее, «викала»...

И вспомнила только потому, что сейчас во второй раз в своей жизни пережила нечто подобное – ощущение внутренней полной свободы!

И улыбнулась.

Он коснулся кончиками пальцев ее плеча, а она почувствовала это прикосновение даже через одежду многослойную.

– Вы улыбаетесь, – не спросил, утвердил он.

Он не видел – но знал.

Как и всякое иное происшествие, притягиваемое любимой подругой на голову и остальные жизненно важные части тела, а также – на движимое и недвижимое имущество Зинули, все начиналось, как водится, с благих намерений и, казалось бы, невинной просьбы.

– Зинуля, радость моя, выручай! – запричитала Ритка, стоило Зине ответить на призыв мобильного телефона. – У меня полный завал! Ты же сегодня выходная?

– Здравствуй, подруга моя, Рита, – спокойно ответила Зинуля. – И, да, у меня сегодня выходной, заметь – законный первый полноценный за полгода, и предполагалось, он мне дан, чтобы выспаться!

– Ну, Зиночка-а-а! – с умоляющими нотками в голосе тянула Ритка.

– И что на этот раз? – вздохнув, сдалась Зинаида.

– Мне надо показать квартиру клиенту и в это же время – еще одну квартиру другим клиентам! Произошла накладка по времени.

– Так! И каким боком я отношусь к твоей риелторской деятельности? – еще не проснувшись до конца и зевая, выясняла диспозицию Зина.

– Я уговорила вторых клиентов передвинуть показ на полчаса, этого только-только хватит, чтобы доехать до них, а ты проведешь первый осмотр! Я тебе на две страницы написала инструкцию, что и как рассказывать про квартиру, все до мелочей. Я вас с клиентом запущу, в общих чертах покажу, отдам тебе ключи и умоваю! А ты его не спеша проведешь по квартире, на все вопросы ответишь – и все!

– Твое «и все!» – это неизменный выстрел стартового пистолета для забега глобальных неприятностей! – сразу же проснулась от этого «магического» словосочетания Зинуля, села на кровати и прикинула в уме несколько вариантов возможных в такой ситуации нападений, имеющих реальный шанс приключиться с ней.

– Зинуль, меня же рядом не будет, я сразу убегу! Так что все обойдется!

– Охо-хо! – не поверила Зинаида. Но куда деваться! – Ладно, говори адрес, заполошная! И во сколько надо быть? Весь сон перебила, а я так настроилась выспаться, полениться!

– Зиночка, ну прости, ну форс-мажор случился!

– Форс-мажор, как тебе самой известно, – это твоя суть, плоть и кровь, жизненное кредо, и нечего на него пенять!

– Это ты ругаешься? – уточнила степень раздражения подруги Ритка.

– Это я ворчу, вылезая из кровати. Не морочь меня! Мне бы собраться и сообразить, как все лучше сделать!

– Все, все! Пиши адрес, встреча в двенадцать! – продиктовав адрес и объяснив, как лучше добраться, Ритуля временно попрощалась:

– Целую-расцеловываю, спасительница ты моя!

– А это мое жизненное кредо – «спасительница», – вздохнула скорбно Зинуля.

Она решила – ну его на фиг, не поедет она на машине! Накрутишься по центру, да еще пока приткнешь где-нибудь свое автотранспортное средство в узких дворах – не меньше полчаса потеряешь. А ходить полезно. К тому же, посмотрев карту в компьютере, она выяснила, что от метро до искомого дома – минут пять, ну, максимум семь ходьбы.

Вот и прекрасно, прогуляемся!

Неугомонная подруга давала указания по сотовому, пока Зина ехала в метро – телефон молчал, но требовательно раздался вновь, как только она вышла на улицу:

– Зинуля, ничего сложного, шпаргалка у тебя будет, там все до мелочей расписано. Клиент спокойный, уравновешенный, вообще классный мужик: под сорок, разведенный, мечта любого риелтора. Его в Москву перевели на повышение, не то в министерство, не то в фирму какую-то, не помню, где-то записывала, но это не главное. Главное, что жить теперь ему предстоит в Москве, вот он квартиру и покупает. Он, может, эту и не выберет, это всего вторая квартира, которую я ему показываю. Да еще и в другом агентстве ему что-то предложили. Но квартирка, скажу я тебе, класс! Такая уютненькая, и месторасположение дома замечательное – тихий центр, окна на сквер выходят, а ремонт там!.. Сама увидишь! Ты покажешь, расскажешь, свет везде выключишь, закроешь – и все дела! Я потом.... – На этом Риткин телефон разрядился.

Любимые Риткины словесные обороты «и все», «и все дела!», как правило, в девяноста пяти случаях из ста заканчивались чем угодно – от конфуза до травматических случаев с тяжелым исходом, но только не благополучно. Зинуля тщетно пыталась отучить подругу от подведения черты под своими планами в этих оптимистичных выражениях – все впустую! «Вот странное дело, – думала Зинуля, неторопливо шагая от метро, – на учебу, работу, детей и любимых мужчин Риткино притягивание невезений почему-то не распространяется!»

Ну, не совсем так! Доставалось и преподавателям в институте, и – а как же иначе! – однокурсникам, и другим подвернувшимся. И доски в аудиториях падали, когда Рита выходила отвечать, и стулья ломались, и трибуны рушились, и преподаватели калечились, но училась Ритка на одни пятерки. И не от страха или чтобы поскорей отделаться от студентки Ковалевой

ставили ей эти пятерки, нет, ровно наоборот – ее старались наказать, придирались, гоняли по всему материалу на экзаменах, правда, на безопасном расстоянии, метрах в трех от экзаменатора. А она отвечала, как пулемет – бодро и без запинки. К курсу третьему на нее махнули рукой: ужас там или не ужас всего института, а учиться девка – будь здоров! И с работой у нее всегда лучше всех получалось. Фигово было коллективу – и еще как, это факт, но у самой Ритки – рабочий неиссякаемый энтузиазм и сплошной праздник!

Последние семь лет Ритуля работала риелтором в самой крутой московской фирме недвижимости. И, как ни странно, у нее это замечательно получалось. Жалел, видимо, Боженька ее многочисленных клиентов, а может, она сама любила их как родных, но самые большие продажи приносила в контору она, и она же имела самую большую базу квартир.

Кто знает, как это у нее работало, как запускается или стопорится механизм функционирования центра притяжения всемирной катастрофы, но клиентам Риткины особенности не вредили!

Кстати, и с любимыми мужчинами в Риткиной жизни этот загадочный механизм срабатывал как-то иначе, чем с другими людьми. Неизменно момент знакомства и первой встречи сопровождался для избранника разрушительно-травматическими последствиями, на фоне чего непуганый и плохо осведомленный товарищ влюблялся в Ритулю до потери объективного сознания. И в этот святой конфетно-цветочный период наивысшего выброса эндорфинов в обоих организмах с ним больше ничего плохого не происходило, кроме горячей любви и страстей зашкаливающих. Но стоило Ритуле остыть, разлюбить – все!

Мужуку наступали кранты! Везде! На работе, в жизни, со здоровьем... Причем полные.

Самые умные вовремя сматывались, стараясь откупиться чем могли, всего пару раз вляпавшись в неприятности после неосмотрительных уговоров: «Риточка, я же тебя люблю, у нас все будет хорошо!», – быстро делали выводы и бежали отсюда – до заката, скажем, или до пресловутой канадской границы. Те же, кто от чувств-с так просто не отказывался, а плавился в неге под Риткиным взглядом грустной лани и пытался вернуть былую любовь, получали по полной программе и только после этого уносили ноги. Если еще могли...

Детей Риткиных маманино разрушительное начало вообще никак не касалось, не задевало даже рикошетом, разве что развило в отпрысках философский взгляд на жизнь и фантастическое чувство юмора.

Ритулю Зинаида увидела издалека. Трудно было бы не увидеть на грязно-бело-сером фоне московского пейзажика последних дней осени фигуру в ярко-красном пальто, на высоких каблуках лакированных сапожек, активно машущую Зинаиде рукой и подпрыгивающую от нетерпения возле своей красненькой машинки в цвет пальто.

– Только бы клиент где-нибудь в сторонке стоял, – проворчала себе под нос Зинаида, – а то Ритка своими телесными движениями, не приведи Господь, дом свалит!

– Зинулечка! – обняла и расцеловала Ритка подругу с таким рвением, словно год не видела и истосковалась.

– Ритка, – предупредила Зина, – без лишних резких движений, если хочешь, чтобы осмотр апартаментов таки состоялся!

– Злишься? – не ослабляя объятий, но чуть отодвинувшись, чтобы рассмотреть степень Зининого возмущения, спросила Ритуля.

– Не очень, – успокоила подруга. – Я сейчас как геомагнитная обстановка в городе: слабо возмущенная.

– Ну и хорошо! – порадовалась Ритка и перешла к делу:

– Он еще не подъехал, может, в пробке застрял. А у меня телефон разрядился, выяснить не могу. И зарядку автомобильную утром в ремонт отдала. Вот же черт!

– И слава богу, что не подъехал, – порадовалась Зина, – а то ты так активно махала руками, что точно бы мужика уже сто раз угробила бы!

– Потому и махала, что его рядом не было! Дай свой телефон, я ему позвоню!

Звонить не пришлось: коротко просигналив клаксоном, к ним подъехал джип-«Мерседес». Не новье-преновье запредельной стоимости, но тоже машинка ничего себе. Оно и понятно, владелец «Жигулей» или «Запорожца» вряд ли мог себе позволить покупку квартиры в этом районе и в таком доме!

Из машины со спокойным несуетливым достоинством вышел мужчина. Ну, действительно лет под сорок, выше среднего роста, для Зинули, с ее росточком «метр в кепке в прыжке», так высокий – ой-ей-ей! Ему она макушкой лишь до плеча доставала. Темно-русые густые волосы, седые виски, спортивная подтянутая фигура, облаченная в дорогой костюм и куртку, – интересный такой мужчина.

Заметный, скажем так.

И лицо такое... серьезное лицо, навевающее ассоциации со скандинавскими преданиями о викинггах, суровых походах и варягах всяческих.

– Здравствуйте, Маргарита Аркадьевна. Простите за задержку, пришлось в пробке постоять, а ваш телефон оказался вне зоны действия.

– Здравствуйте! Извините, телефон разрядился, – по-деловому сдержанно пояснила Рита. – Знакомьтесь, это Зинаида Геннадьевна. Она проведет подробный показ и ответит на все ваши вопросы.

Руки для приветствия ему Ритуля не протянула, это было для нее – область табу! Строго-настрога контролируемая Зинулей и всей родней с детства. Теперь вместо шариков в карманах останавливающую функцию выполняла папка с документами, которую Ритуля всегда прижимала к груди двумя руками.

– Здравствуйте, – поздоровался мужчина и представился:

– Захар Игнатьевич.

«Да, уж! Повезло с имечком, даже поболее, чем мне!» – подумала мимолетно Зинаида и заглянула ему в глаза...

В светло-светло-карие, орехово-рыжевато-го цвета глаза... и споткнулась взглядом!

Ее словно паром изнутри обожгло, словно взрыв произошел где-то в солнечном сплетении: взорвался, потряс и с шипением разлился по венам газированной субстанции – до самых кончиков пальцев, до корней волос на голове и покрасневших щек, а затем схлынул, затаившись в животе теплеющим комом, звоном под коленками и неясным блеющим лепетанием:

– Зи-инаида Геннадьевна, – споткнувшись на первом слоге, ответствовала наша барышенька, такая чувствительная, как только что выяснилось! И не отрывая взгляда от его глаз, протянула руку для рукопожатия.

Ладони встретились, его большая, горячая, приняла в себя заолодевшую маленькую Зинулину, и тут же в обе ладони шибануло молнией-ударом – да так, что они оба неосознанно отдернули руки и с удивлением посмотрели друг на друга.

И что это, скажите на милость, было?!

Шарахнуло по полной программе, оглушило, поразило... и отрезвило!

И Зинаида, отчетливо осознавая странность и нелепость происходящего, стоит тут, как... непонятно какого назначения дамочка, пялится на мужика, только что рот не открыла – и на том спасибо!

Ритка рядом, ничего не заметив, излагает некую информацию, которую она, Зинаида, и не слышит и не воспринимает, да еще и руку свою из мужской ладони отдергивает и за спину прячет, как в детском саду от нехорошего мальчишки!

Ох-ре-нет! Бабе тридцать пятый годок, а ее пробивают эротико-мистические чувства к незнакомому мужику!

– Зина! – проорала ей в ухо Ритуля. – Идем! Что ты застыла?

Да! Да. Идем, двигаемся, что-то делаем – только на расстоянии, по возможности наибольшем от Захара Игнатьевича!

Они зашли в подъезд, дождались лифта, Ритка все что-то говорила, поясняла клиенту, а Зинуля говорила себе, в витиевато-ругательных оборотах, обозвав себя, коримую, чем только можно: «Нет, ну, надо же!! Что же это такое!? Так – все, Зинаида, все! Успокойся, возьми себя в железные, что там? Ежовые руки и железные рукавицы! Или во что там...? Ну, хоть во что-нибудь себя возьми! Сохраняй дистанцию, ты пришла помочь подруге. Вот и помогай!»

Покричала на себя, ножкой мысленно топнула – все!

Зина и не заметила, что они уже находятся в квартире, и Ритка чуть ли не бегом проводит ознакомительную экскурсию:

– Посмотрите направо... посмотрите налево... это кухня... это... а подробно вам сейчас расскажет и покажет Зинаида Геннадьевна! Ну а мне пора, извините!

На этой фразе Зинаида включила мыслительный процесс на полную мощность и осознала, что сейчас останется один на один с этим мужиком в пустой квартире!

А Ритка продолжала тарыхтеть:

– Вы не торопитесь, Захар Игнатьевич, осмотритесь внимательно, на сегодня больше здесь показов не будет, и у вас сколько угодно времени!

К заключительной фазе ее они успели сделать бегом круг по квартире и вернуться в широкий коридор, ведущий в большую прихожую. Тут Ритку настигло вдохновение:

– О! Это мне особенно хотелось показать вам! Это гардеробная комната. Обратите внимание: двери такие же дубовые, массив, как и во всей квартире, имитирующие как бы еще одну комнату, но задвижка на них другая – старинная, кованая, стилизованная под декор прихожей. Мне очень нравится этот дизайнерский ход! К тому же – сама гардеробная очень удобная, продуманная, заходите. Посмотрите!

Она распахнула обе тяжелые створки дверей в небольшую, метров десять, комнатку. И на самом деле – стеллажи, вешалки, шкафчики были устроены очень грамотно: мечта любой женщины.

– Ну, ладно, – спохватилась Ритка, – вы смотрите, а я побежала. До свидания, Захар Игнатьевич, я вам позвоню, как только заряджу телефон.

– До свидания, Маргарита Аркадьевна, – попрощался клиент.

И вернулся к своему занятию – рассматриванию выдвижного механизма нижних ящиков для белья.

– Зинулечка, пока! – прошептала Ритка, чмокнула подругу в щечку и выпорхнула за дверь.

Зинуля вздохнула, стараясь сделать это потише, чтобы клиент не услышал, достала из сумочки листочки с Риткиными пояснениями, быстро просмотрела абзац про дизайнерскую находку, именуемую «гардеробная», и только в этот момент поняла, что услышала за спиной!

Ритка, выйдя из комнаты, прикрыла за собой обе створки двери и закрыла задвижку, автоматной очередью прощелкали ее каблучки по полу коридора и прихожей, громынула, закрываясь, тяжеленная входная дверь.

– Ритка!! – закричала Зинуля и забарабанила в дверь.

– Что случилось? – удивился потенциальный хозяин жилья.

– Она нас закрыла! – пояснила Зина.

– Да ладно! – неинтеллигентно выказал сомнения мужчина.

– Прошу! – спокойно предложила ему Зинаида удостовериться в действительности факта запираения, отступила на шаг от двери и широким приглашающим жестом призвала к испытаниям.

Он попробовал. Подергал ручки, постучал, но – молодец! – быстро осознал бесполезность своих действий и повернулся к Зинаиде.

– Позвоните ей! – распорядился Захар, видите ли, Игнатьевич.

– У нее телефон разрядился, – ровным, как штиль на море в летний сезон, тоном напомнила Зина.

– Да, точно, – кивнул он, припоминая данное обстоятельство. – И как она умудрилась?..

– Машинально, – пояснила Зинаида тем же безмятежным тоном.

– И какие у нас варианты? – переключился с выяснения причин происшествия на возможность ликвидации его последствий мужчина.

– Немного, – взбодрила его Зинуля. – Дождаться, когда Ритка зарядит свой телефон, позвонит вам или мне, приедет и откроет нас.

– И как скоро этого можно ожидать?

– В данный момент она поехала на другой показ, зарядку автомобильную отдала утром в ремонт. Насколько я помню, она говорила, что отсюда до другой квартиры езды полчаса. Значит, полчаса туда, около часа, может, и больше – там, минут сорок до дома, где она включит телефон, и сюда еще минут тридцать езды. Итого: три – три с половиной часа.

– Вариант номер два? – продолжил опрос «дорогой» клиент.

– Мы с вами обзваниваем знакомых и друзей, находим кого-нибудь, кто может приехать быстро и оперативно освободить нас из кутузки. Входная дверь открыта, ключи-то у меня. У вас есть такие знакомые, Захар Игнатьевич? – поинтересовалась Зинаида.

– Знакомые-то есть. Но сейчас середина рабочего дня, это я освободил специально день, чтобы посмотреть предлагаемые варианты, а люди работают. У меня сегодня намечен еще один просмотр, который, как я теперь понимаю, вряд ли состоится.

– Не печальтесь, может, и состоится еще.

– Посмотрим, – не разделил ее оптимизма серьезный господин. – Я в таких случаях звоню своему водителю, но я отпустил его на сегодня, а живет он, насколько помню, где-то в спальном районе, на западе, возле МКАД. А у вас, Зинаида Геннадьевна, есть кто-нибудь, кто может нас отсюда вытащить?

– Есть! Как не быть! – обрадовала его Зина. – Только, по моим прикидкам, кто бы ни стал добровольцем в спасательной операции, добираться ему сюда часа два-три, по той же причине: рабочий день.

Хотя резервные варианты у нее имелись, Зинаида не торопилась к ним прибегать: прежде пусть он своих знакомых обзвонит, а там посмотрим.

Ну не бабушку же вызывать! У той сразу давление подскочит «от нервов». Мама, ее и Риткина, укатили на дачу к друзьям на всю неделю, папы работают – это отпадает.

– Есть еще варианты, Зинаида Геннадьевна?

– Есть, но весьма сомнительный, – подумав, призналась Зинуля.

– Излагайте любой, разберемся!

– Тогда встречный вопрос: вы решили покупать эту квартиру?

– Нет. Да я ее толком и не видел. Если помните, подробный показ с разъяснениями должны были провести вы.

– Помню, как не помнить! А я вам вот текстик дам, аж на трех листках, тут все самым наиподробнее образом изложено, ознакомьтесь. Да и времени теперь для этого полно!

– Сарказм? – заподозрил клиент.

– Та нибожемой! Но делать-то все равно нечего!

– Вы отвлеклись от темы, – вернул разговор в продуктивное русло Захар Игнатьевич.

– Это я к тому, что если вы квартиру решили приобретать, значит, считается, что вы хозяин. Тогда можно проявить чудеса мужской воинственности и вышибить двери ногой, ска-

жем, или силой богатырского плеча! – двинула предложение Зинуля, заранее зная, что все потуги бесполезны.

Уж коли попал под Риткину раздачу тумачков, то простых и изящных выходов не жди. И надеяться не стоит!

– Мне послышалось, или на самом деле в вашем тоне сквозит сарказм? – усмехнулся практически уже хозяин гардеробной комнаты, ну, или имеющий реальную возможность таковым стать.

– Только не в адрес ваших способностей по вышибанию дверей, а исключительно в адрес сложившихся обстоятельств. У меня большие сомнения, что эту дверь, как выразилась Ритка, «имитирующую» еще одну комнату, можно выбить. Но это так, исключительно, чтобы испробовать все имеющиеся варианты. А вдруг у вас таки получится шо-нибудь за вишибание? – под конец пламенной речи перейдя на любимый одесский язык, разъяснила Зинуля.

– Вы из Одессы? – тут же среагировал ее товарищ по заключению.

– Нет. Я москвичка, но можно сказать, что наполовину из Одессы. На Риткину половину.

– Вы сестры?

– Хуже. Сиамские пожизненные близнецы, – рассмеялась Зина, – так что насчет выбивания дверок вместе с задвижкой, стилизованной под кованую какую-то там ерунду?

Он несколько секунд внимательно ее рассматривал, видимо, засомневался в полной вменяемости гражданки, и прикидывал, чем ему это может грозить. Но, скорее всего, диагноз поставил утешительный, потому что подошел к двери, придирчиво осмотрел ее, снова подергал ручки и вынес вердикт:

– Мое богатырское плечо, как вы изволили выразиться, эту дверь не осилит. Бесполезно, даже если мы вдвоем, сплотившись, на нее кидаться начнем – сделано на совесть. Настоящий дуб, крепления надежные, а задвижку я высоко оценил еще до того, как мы сюда вошли: она не прибита, а привинчена шурупами – да так, что черта с два вырвешь!

– Значит, возвращаемся к первым двум вариантам, – подвела итог Зинаида. – Тогда, Захар Игнатьевич, давайте, не откладывая, начнем обзванивать друзей.

– Давайте, – мирно согласился он.

В целом Зина не усматривала в ситуации ничего такого уж фатального, чтобы прибегать к экстренной оперативной помощи, которую вполне могла организовать. Позвонить ребятам из «убойки», они возьмут дежурную машину, врубят милицейские «мигалки» и, игнорируя светофоры и пробки, доберутся сюда минут за сорок.

Да еще и с удовольствием!

Они ей по жизни должны за все сверхурочные и «горящие» дела. И мечтают хоть чем-то отблагодарить. Но никакой необходимости в этом Зина не видела – никто не пострадал, в экстренной эвакуации не нуждался, чтобы срывать занятых выше головы ребят с работы.

Посидит она преспокойненько три часа в «кладовочке», может, и поспит даже, и не в таких еще условиях спать приходилось на работе иногда. На сегодня у нее планов особых не имелось, а то, что у товарища по заточению обломались какие-то дела – так извините, это не ее проблемы.

Единственное, что тревожило, пугало и настораживало – это ее непонятная, глубинная тяга к этому незнакомому человеку и то странное чувство, усугубленное замкнутым пространством, в котором они оказались, которое она испытывала, находясь рядом с ним.

Она призналась себе прямо: ее настолько сильно испугал шквал незнакомых чувств и ощущений, что она старалась лишний раз на своего спутника не смотреть и держаться от него насколько возможно дальше.

Впрочем, это она переживет! Справится! Они – двое взрослых людей, воспитанных, цивилизованных, и сдерживать эмоции сумеют.

Да и с чего она решила, что этот шквал чувств – обоюдный!?

Вон, гражданин спокоен, ни намека на лишнее волнение, в рамках неприятного казуса, и ни страстных, ни заинтересованных взглядов он на нее не бросает: все интеллигентно, ровно, в меру дружелюбно.

Ну вот и славно! А с собой она как-нибудь справится.

Три часа! Рядом с ним... В замкнутой комнатухе?!

Может, Мишку, Риткиного старшенького сынка, вызвать? Он постоянно помогал Зинуле и всей родне исправлять и ликвидировать последствия мамашиней фатальности. Посмеиваясь, с энтузиазмом и довольно ловко. Но Мишаня в институте, добираться ему сюда тоже – не ближний свет, да и ни к чему ребенка с занятий срывать!

Подруг и друзей, кроме Ритки, у Зинули не имелось: оно и понятно, дураков нет – добровольно лбы подставлять! Только коллеги-друзья по работе, но они с Риткой никак не пересекались. И отрывать их от дела, как она уже решила, попусту не стоит.

Пока она размышляла, прикидывала, к кому можно обратиться, Захар Игнатьевич успел переговорить с несколькими абонентами по телефону.

– Подведем итог, – убирая сотовый в карман пиджака, предложил потерпевший номер два. – Мой водитель повез куда-то по личным делам семью и приехать сможет часа через три. Я дал ему отбой – смысла нет. Остальные возможные избавители укладываются приблизительно в те же временные рамки: два-три часа. Есть, разумеется, вариант крайнего случая – потревожить начальство, тогда проблема решится в течение часа. Но тогда я останусь должен. А мне бы этого не хотелось.

– У меня то же самое, – не позволила себе вздохнуть демонстративно Зинаида, сдержалась. – Есть хорошие знакомые, которые освободят нас в течение часа, но прибегать к их помощи без особой нужды, отрывая от очень важных дел, нельзя. Захар Игнатьевич, у нас ведь не особая нужда и не крайний случай?

– Ну, у меня срываются сегодняшние планы, но – ничего особо важного и значимого. Да и страшного ничего не случилось, простое недоразумение, случайность.

– Хм-м. – Зина, лучше всех осведомленная о «случайностях и недоразумениях», многозначительно хмыкнула.

Знал бы он, как ему невероятно повезло – отделаться такой мелочью, как трехчасовое сидение взаперти, в тепле и относительном уюте, не на морозе же! И никаких тебе травм, ушибов, порчи личного имущества...

– Все не так плохо! – подбодрила клиента Зинаида. – Мы же не на улице застряли! Устроимся поудобней, посидим, подождем. Вы и на самом деле можете прочитать Ритулин доклад про данную квартиру.

И в этот момент, несколько раз припадочно мигнув, погас свет!

Ешкин кот! Вот сколько раз зарекалась не радоваться легкому исходу раньше времени! Всегда вляпывалась еще круче... Ох, Ритка, Ритка! Угроишь ты когда-нибудь любимую, единственную подругу!

Ведь знала же, что никогда с этим ужасом, летящим среди жизни, не бывает так плохо, чтобы не могло быть еще хуже!

– Наверное, лампочки перегорели? – почему-то шепотом предложила версию электрического коллапса Зина и несколько раз пощелкала выключателем.

– Нет, – тоже тихим голосом возразил он. – Здесь стоят галогеновые энергосберегающие, они по определению не могут перегореть несколько лет, тем более все сразу.

– Сильно надеюсь, что это не проводка!

– Непохоже, но черт его знает, как они тут ремонтировали! – размышляя вслух, он ото двинул Зиначку немного в сторону, тоже пощелкал выключателем.

– Не пугайте меня, Захар Игнатьевич! Не хотелось бы поджариться в закрытой комнате! – без намека на испуг сказала Зина.

– Это нам не грозит, Зинаида Геннадьевна. Вы же не чувствуете запаха горелой проводки?

– Нет.

– Я тоже не чувствую, значит, дело не в ней.

– А знаете, я вам верю! – «порадовала» его Зинуля бодреньким шепотом. А на самом деле ей стало тревожно. Вот ей-богу!

И вовсе не из-за проводки какой-то!

Ледяные мурашки маленького страшка побежали вдоль всего позвоночника, и она в полной мере осознала, что такое «тьма крошечная», та, кроме которой ничего нет, вообще ничего, только первобытный ужас не совместимого с таким условием выживания человеческого организма.

В эту комнату не проникало ни атома света, и это было так непередаваемо жутко!

А еще...

Каким-то мистическим образом, за пару минут организм перестроился, включил инстинкты, спавшие до востребования в комфортных условиях цивилизации, в разы обострив слух, обоняние, осязание, превратив тело в чувствительную антенну, улавливающую любые изменения в ограниченном пространстве. И почему-то эти инстинкты настроились на одну волну с мужчиной, находившимся рядом, в темноте.

И вот тут Зинуля струхнула по-настоящему.

Ее тянуло к нему, как магнитом, и это было неправильно там, за чертой темноты, в обыденной жизни среди людей, но здесь...

– Вы меня боитесь? – тихим голосом спросил он из ниоткуда.

– Нет, – честно призналась она, – не вас.

Себя. Она пугалась себя – непонятной, новой – удивлялась, поражалась и страшилась себя такой.

– Я тоже, – еще тише признался он. Помолчал и пояснил:

– Не вас.

А вот это совсем хреново!

Ей-то казалось, что она одна переживает это необъяснимое влечение, а он отстранен и спокоен, и ни на миллиметр ничего подобного не испытывает. Вел он себя именно так. Или ей проще было так думать?

Она еще побоялась-побоялась, осознавая, переживая взаимность их влечения, вспомнила в деталях свой первый вздох, взгляд, глаза в глаза ударившее притяжение – и внезапно перестала бояться! Совсем.

А он сразу почувствовал эту перемену в ней. Уловил, «считал», черт его знает, как это называется! Он коснулся кончиками пальцев ее плеча и не спросил, а утвердил:

– Вы улыбаетесь.

Почувствовал.

– Да, – улыбалась в никуда Зина, – вспомнила, как познакомилась с Риткой.

Почему-то они разговаривали очень тихо. Может, боялись спугнуть темноту? Или неких сущностей, притаившихся в ней? Или друг друга?

– Если вам страшно, мы можем включить экраны мобильных и подсвечивать, – предложил он.

– Нет, – отказалась Зина, – телефоны – это наше последнее стратегическое средство спасения, неизвестно, сколько придется здесь сидеть, а если они разрядятся?

– Мой не разрядится, – успокоил Захар Игнатьевич.

– Все равно – нет. Свет, по логике, тоже не должен был отключиться, однако ж...

– Знаете, Зина, вы удивительная женщина. Это сбивает с толку.

Он не подходил ближе, только так же касался пальцами вытянутой руки ее плеча, и это прикосновение она чувствовала через все слои одежды, и ощущала его совсем рядом – телом, кожей, дыханием.

Чудеса-а-а!

– Не знаю, – отозвалась Зина. – Но думаю, вы мне сейчас расскажете – почему.

– Во-первых, вы единственная из всех знакомых мне женщин, которая не двинула стандартную фразу про мое редкое имя при знакомстве...

– Сама наслушалась того же, – шепнула Зинуля.

– Во-вторых, вы не разозлились, не возмущались, не суетились, когда обнаружили, что нас заперли, а были спокойны, как на полянке где-нибудь на пикнике. В-третьих, вы сразу начали обдумывать варианты спасения, а не выдвинули требование мужчине немедленно решать и самому разгребать проблему.

– Это, скорее, мой минус, – вздохнула Зина, – говорящий о моей неженственной натуре и наличии мужских черт характера. Нет бы похныкала, попугалась, слезу бы пустила, как правильная барышня...

– «Неженственно» – это не про вас, не кокетничайте, – попенял он тихо, передвинул ладонь выше и коснулся пальцами ее шеи, – в вас столько женственности, сколько сейчас вообще не бывает ни в одной женщине. И вы это знаете.

– Захар, – проигнорировав отчество, поспешила остановить возможное развитие событий Зина, – нам лучше сесть подальше друг от друга и поговорить о чем-то нейтральном. Кстати, меня называли так в честь прабабушки, и намучилась я с имечком – будь здоров! Каждый считал своим долгом высказаться о том, какое оно странное, несовременное, редкое плюс любые иные варианты по теме.

Он усмехнулся, убрал руку, и Зинуля почувствовала себя одинокой сиротой, заброшенной всеми!

– А меня – в честь деда. И я этим горжусь. Деду девяносто два года, он в полном здравии и мудрости, живет в доме на берегу реки, ходит на рыбалку, иногда охотится и сам ведет хозяйство.

– У вас в семье приняты редкие русские имена? – пяťясь понемногу, шажок за шажком, спросила Зинаида, чтобы поддержать отвлекающую беседу.

– Да. Я из Сибири родом, из мест, где живут бывшие староверы. Там очень многие называют детей старорусскими именами. Вообще Сибирь и Север – это отдельные страны, – с некой долей гордости объяснил он и неожиданно выстрелил прямой наводкой:

– Зина, даже если мы будем говорить только о погоде, нам все равно уже друг друга не миновать. Вы не отходите назад, я не кусаюсь и кидаться на вас не собираюсь.

«Чего не могу сказать о себе! Я-то как раз за себя не отвечаю!» – тут же подумала Зинаида, но вслух соврала:

– Я пытаюсь добраться до стены и сесть.

– Ну да, ну да, – не поверил он, – а мне вы предлагаете сделать то же самое, но в противоположном направлении. Я правильно понял?

– Вы правильно поняли, – немного повысив голос, отозвалась Зинаида. – Сядем в разных концах комнаты, поговорим.

– О погоде? – усмехнулся он.

– Можем и о ней.

– Зина, вы не пугайтесь так. Хотя согласен – повод для испуга у нас обоих есть.

– Вы психолог? – нападающе прошептала Зинуля.

– Нет. Я строитель-нефтяник.

– Это как?

– Я проектирую и строю сооружения для нефтедобывающей промышленности.

– Вышки, что ли?

– И вышки, и трубопроводы, и накопители-распределители, и управляющие станции.

– Ого! – подивилась Зинаида. – Это в смысле север, тундра?..

– И север, и тундра, и теплые моря, иногда – другие государства, жаркие и холодные.

По всему миру.

– А почему же вы в Москве? Это вроде далековато от нефтяных залежей?

– Далеко, – согласился он со смешинкой в голосе, – вы знаете, какая основная фирма ведаёт нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей отраслью у нас в стране?

– Подозреваю, что государство.

– Ну, почти. Словом, мне предложили пост старшего специалиста в главном управлении, что-то типа топ-менеджера, главного управляющего, курирующего и отвечающего за любое строительство в отрасли.

– Ничего себе! – восхитилась Зинаида. – Но это же огромное количество работы и ответственности!

– Большое, – согласился Захар. – Но мне нравится. Основное место дислокации – Москва, как отправная точка, а отсюда – во все точки земного шара. Поэтому и квартира мне понадобилась именно в Москве.

Ей интересно про него все, вдруг поняла Зина.

Жгуче-интересно.

Чувствовала она себя... странно, легко, радостно!

В этой бескомпромиссной темноте, казалось, исчезли, испарились условности, глупые правила, навязываемые людьми друг другу, освобождая и разрешая им быть истинными, настоящими!

Впрочем, Зинаида таковой и была всегда.

Да, но не в такой ситуации, не в такой!

Когда звенит внутри непонятно и понятно отчего, когда мужчина разбудил в тебе все самое женское, потаенное, перемешав чувства, мысли ощущения, как в пробирке с разными химикатами, и варево это мистическое готово вот-вот взорваться...

Странно, интересно, завораживающе и пугающе!

Она наконец уперлась спиной в стеллажи и стала снимать дубленку.

– Я добралась, – сообщила она в темноту.

– Я слышу, – улыбнулся он. – И как вы раздеваетесь, слышу. Ну, что, сядем, поговорим? Подальше друг от друга?

– Вы же все понимаете, Захар, зачем спрашиваете? – устранившись на расстеленной дубленке и вытягивая с удовольствием ноги, ответила она.

– Зина, давайте перейдем на «ты», – отозвался из темноты Захар, – и я не уверен, что все понимаю.

Он добрался до противоположной стены гардеробной гораздо быстрее Зинаиды, снял куртку, постелил ее на пол, сел и оперся спиной о полки. Спине было неудобно, Захар пошарил руками вдоль стеллажей, нащупал задвижные сплошные ящики, перебрался к ним вместе с курткой, прислонился, оценил степень удобства, остался доволен и позвал:

– Ау!

– Я слышу, как вы устраиваетесь, и не мешаю, – отозвалась Зинаида. – Да, согласна, давайте на «ты». Темнота, что ли, располагает!

– Перейти на «ты» нас располагает нечто иное, а темнота и обстановка этому сопутствуют.

– Пожалуй, эту тему нам лучше не развивать, – откликнулась из своего закутка Зинуля. Он помолчал и неожиданно шарахнул откровением, выстрелил второй раз:

– Меня тоже это пугает. Я не восемнадцатилетний юноша, у которого гормоны фигачат куда ни попадя, в основном – в одно конкретное место, выключая голову. Но и в юношеском возрасте со мной так не случалось – чтобы с одного прикосновения, с одного взгляда в глаза так повело! Это как-то в один миг случилось, и я точно знаю, что с нами обоими. Я понятия не имею, почему, но не хочу и не стану от этого сбегать!

– Аминь! – заключила Зинаида. – А сколько ты сейчас летний юноша?

– Сорока двух, – усмехнулся он. – Я понял так, что сбегать собралась ты?

– Если ты не забыл – ни у меня, ни у тебя в данный момент нет такой возможности, по причине насильственного заточения. Я не знаю, сбегать там или что другое, но я уже не боюсь, не пугаюсь странности и неожиданности. Со мной такого никогда не случалось! Я вот не очень хорошо понимаю, что со всем этим «повело» делать и надо ли вообще что-то делать, поэтому и предлагаю пока оставить эту тему. Ты со мной согласен?

– Да, согласен. Мне просто очень не хочется, чтобы мы притворялись, лукавили и играли в самые обычные игры. Как-то, Зина, совсем по-другому нас торкнуло!

– Да я даже не знаю, как это делается – играть! – призналась Зинаида. – Это всегда мне без надобности, и начинать не собираюсь. Давай переключимся на другие темы.

– Давай, – согласился Захар, и она почувствовала, как он расслабился.

Он, оказывается, напрягся довольно сильно. И спрашивается: с чего бы?

– Расскажи, как тебя угораздило заполучить такую редкую профессию, мне очень интересно, честное слово!

– Да банально все, Зиночка...

Захар Дубров родился в далеком сибирском городе. Отец его работал нефтяником, и два летних сезона, в пятнадцать и шестнадцать лет, Захар провел с ним на вахте, на буровой.

Мама возражала и сопротивлялась изо всех сил:

– Игнат, куда ты его тащишь? Там же ужасные условия: тундра, гнус, мужской коллектив, разговаривающий исключительно матом, грязь, вонь портяночная, пошлые шутки и работа каторжная!

– Самое место для пацана! – стоял на своем решении отец. – Повкалывает физически, мышцы накачает. А заодно поймет, что у него есть три варианта, на выбор: стать работягой и всю жизнь вкалывать в таком вот коллективе, пойти в армию и попасть точно в такой же мужской коллектив, но еще и с муштрой режимной, или поступить в институт и выбрать себе другую жизнь. Ничего, закалится, возмужает!

– Да на кой ляд ему это, Игнат? – возмущалась мама. – Пусть к деду Захарии в деревню едет, и закалится там, и возмужает!

– Это каким образом? Дед его хоть и учит мужскому уму-разуму, к рыбалке, охоте и ведению хозяйства нелегкому давно приучил, но он же его балует, потому что любит без меры! Нет, я решил: пусть настоящей мужской жизни похлебают!

И мама согласилась. Она еще поспорила для порядка пару деньков перед их отъездом. Но отец ее уговорил – только ему известным способом.

Так Захар в первый раз оказался на буровой.

Мама перечислила все правильно – мат столбом, мужицкий быт, хреновое питание, работа, для Захара – в прямом смысле до потери сознания! А гарниром ко всему этому букету гнус, вонючая вода, непрекращающийся мелкий дождь, вяленая рыба и водка, которую привозили чукчи и продавали вахтовикам в немереном количестве, и до ближайшего жилья – как от Москвы до Парижу, и многое-многое другое.

Было и такое, о чем даже мама не знала: например, завозимые иногда проститутки, которые за пару недель у вахтовиков-нефтяников зарабатывали себе на кооперативные квартиры.

Когда ему исполнилось шестнадцать, буровики приобщили и его к «прелестям и разнообразию» такого секса, втайне от отца, который и по сей день об этом не знал и даже не догадывался.

Первые десять дней на буровой от тяжелой работы Захара рвало до потери сознания, и ни есть, ни пить он не мог. И первая мысль, с которой он просыпался по утрам, когда его будили всем гуртом, – сбежать отсюда как можно скорее и куда угодно!

Он бы мог легко осуществить эту, единственную на тот момент, мечту! Отец был бригадиром, стоило подойти к нему и сказать: «Больше не могу, отправь меня домой!» – и тот без разговоров, наставлений, обид и уговоров отправил бы сына назад, в цивилизацию. Таков был их изначальный договор: «Я тебя не принуждаю, выбор делаешь ты сам, не сдюжишь – ну, что ж, может, мать и права: рано тебе!» – сказал перед отъездом отец.

Но нечто железное, как штырь, в характере, упертость русского мужика, что ли, не позволяло Захару сдаться. Он понимал, что если сбежит, то мужики станут прикалываться и над отцом, и над ним – мол, «кишка тонка». И он терпел, сцепив зубы!

Ничего. Втянулся, попривык.

И чему только не научился – ой-ей-ей! И выбор свой сделал, о котором так красноречиво говорил батя.

В институт он поступил, но профессию выбрал еще ту: «проектировщик-строитель нефтедобывающего производства».

В первое же лето по окончании института он прямиком попал на вышку, в самую последнюю географическую задницу – по распределению. И не каким-то там строителем, красивенько так – «проектировщиком», а инженером – наладчиком оборудования, и перекидывали его с одной буровой на другую по таким местам, о существовании которых большая часть населения страны и не догадывается!

Перемещался Захар от одного объекта к другому только вертолетом: из пункта «Ж» в пункт «Е» на просторах, где между двумя поселками запросто помещается территория европейской страны целиком – любой, на выбор – оперативно добраться не имелось иных вариантов.

Один из таких полетов с лихими полярными летчиками, а иных там и не водилось, Захар запомнил на всю жизнь.

Еще бы!

Погода, как и положено в тех широтах, баловалась от души, как ей заблагорассудится, и диспетчер разрешил один-единственный маршрут для полета. Либо так, либо сидите на своей буровой и не трывдите, пока «добро» на полет не получите!

Летчики, тертые мужики, в каких только переделках не побывавшие и чего только не испытывавшие, к удивлению Захара, вдруг примолкли, сильно засомневались, призадумались.

– Вы что, мужики? – подивился «молодой ешо» инженеришка.

– Да места там непростые... – непонятно протянул командир и с большим сомнением спросил:

– Тебе это, Игнатич, срочно нужно?

– Да еще позавчера! – пояснил степень срочности Захар. – Буровая стоит, вахта бухает, еще день – и трындец! Мужиков из штопора поди вытащи! И хрен знает, что там с оборудованием, смотреть надо!

– Да уж! – посочувствовал командир экипажа с пониманием, но готовности лететь не выказал.

– Да в чем дело-то?! – расшумелся Захар.

– Ты про те места что-нибудь слышал? – издали начал второй пилот, Юра.

– Нет. Да какая разница! Есть коридор для пролета – что думать!

– Вот ты, Захар Игнатьевич, здесь работаешь, считай, что живешь, а ни хрена не знаешь про тамошние законы, обычаи, легенды, – принялся втолковывать недорослю неразумному

грамотный, бывалый командир экипажа. – А ведь годами, веками их не зря складывали! Ты думаешь, почему диспетчер нам этот коридор предложил? Да потому что знает, что не полетит через него никто! Это как шифровка: мол, погодные условия такие хреновые, что только через Черное Озеро и лететь! Никто там не летает, разве что припрет совсем уж, и вариантов нет! Не летает, не ходит и десятой дорогой объезжает. Борта там падают и пропадают бесследно, люди исчезают, потому что место это – запретное, гиблое и живому человеку там ни за каким чертом не фиг шастать!

– Да ладно! – не поверил Захар. – Дикость и чушь! Суеверия бабкины! «Места запретные»! Вот у меня вахта в запой уйдет – так с меня десять шкур спустят, да такого наваляют, что любое запретное детским утренником покажется. Мужики, надо лететь!

Летчики переглянулись, молча совещаясь, второй пилот пожал плечами: дескать, тебе решать, старшой. Командир помолчал, подумал и решил:

– Лады, рискнем!

– А чо, Иваныч, давай! – взбодрился второй пилот. – Авось пронесет!

– «Пронесет», – передразнил недовольно командир, – еще один птенец-юнец на мою голову образовался! Ты там, Юрик, не был, только понаслышке о тех местах знаешь, а я в прошлый раз еле машину и свою жопу унес. Пронесет тебя поносом испужным, а не бреющим по верхам!

Однако – полетели.

Захар в наушниках слышал переговоры экипажа и диспетчера, потерявшего на пару минут дар речи, когда Иваныч ему объявил о решении лететь через Черное Озеро.

– Вы что, мужики, охренели? – после продолжительной паузы поинтересовался диспетчер. – Или перепились там?

– Ты давай води! – одернул его Иваныч. – Не засоряй эфир болтовней неуставной!

– Ну, как знаете... – пролепетал потрясенный диспетчер.

Погода и на самом деле как сбесилась: снег вперемешку с дождем, и все это крутилось-вертелось, подгоняемое порывами ветра. Но стоило отлететь на десяток километров и лечь на курс – как будто в другую страну попали: солнце, подмороженное легким молодым ранним августовским морозцем, ширь бескрайняя – красота!

– Может, повезет, – услышал Захар в наушниках голос Иваныча. – Озеро туманом прикроет. В прошлый раз так и было, да и мужики говорили, что обычно над ним туман стелется.

– Подлетаем, – придушенным тенором оповестил Юрик.

Захар прилип к иллюминатору, стараясь разглядеть: что там за озеро такое загадочное, что даже бывалых мужиков пугает до оторопи? Видимость стояла кристально прозрачная: до самого горизонта, во все стороны, еще не тундра, но уже и не тайга – пограничье. Высокие деревья торчали среди низкорослого подлеска и на проплешинах без растений, только на краю самого густого темного ельника по земле стелился густой молочно-белый туман. Захар присмотрелся: странный это был туман – он переливался разными красками, то розовато-рассветными отблесками, то голубовато-снежным холодом, и постоянно перемещался, но не клочками, поддуваемыми ветрами, а как большое пуховое одеяло, всей массой.

Это, что ли, то самое озеро мистическое?

И что в нем такого? Из-за чего столько шуму поднимать?

Или его мужики прикалывали, проверяли на «слабо», по устоявшейся привычке ставить новичка в неловкие, глупые ситуации и наблюдать, как он из них выберется. Нормальный такой подкол в любом мужском сообществе, куда приходит новенький, что-то типа «иди, якорь заточи напильником» на флоте.

Захар оторвался от созерцания природных красот, глянул на мужиков – напряженных, молчаливых, – усмехнулся, даже головой качнул понимающе, и вернулся к наблюдениям.

И в этот момент неожиданно туман над озером как будто раскололся надвое, словно кто-то невидимый разрезал пушистый торт большим ножом. Две туманные половины повисели несколько секунд в воздухе, а потом очень быстро, в пару мгновений исчезли в ельнике на другом берегу, растворились бесследно.

Захар не понял сразу толком, что он видит – вода не вода, лед не лед, что-то неровное с темными вкраплениями. Он прилип к иллюминатору, уткнувшись в стекло лбом и носом, стараясь рассмотреть. Зрение у него было великолепное, снайперское, недаром его дед научил бить белку в глаз на охоте.

И вдруг он разом осознал, ЧТО видит!!!

Озеро было круглое, почти идеальной формы, промерзшее до самого дна. А лед – странным, прозрачным, и еще более странно в нем преломлялись лучи встающего раннего солнца: без отсветов, без бликов, окрашивая лед в ровный розовый цвет.

А во льду лежали мертвые люди!

Много, очень много: может, сотни, может, и больше, Захару показалось – что тысячи! Почти все – лицами вверх, с распахнутыми в последнем крике ртами и распахнутыми глазами... и все смотрели на него, на Захара, и звали...

«Спаси, приди на помощь, сделай для нас что-нибудь!!!»

Он не отрываясь смотрел, смотрел, смотрел!

В основном мужчины, но были и женщины – зовущие, плачущие, мечущиеся в последнем неизбывном страхе; и он услышал совершенно четко и громко, как они зовут его, умоляют...

– За-а-ха-а-ар!..

Он понял, что ему надо к ним, срочно, прямо сейчас!

Надо что-то делать! Спасать их. Немедленно!

Что-то раздражающе ввинчивалось в мозг, мешало, отвлекало...

Ему немедленно надо к ним. Зовут же! Им помощь требуется, немедленная!

Откуда-то издалека, как через вату, до его сознания пробился голос в наушниках, набравший силу по мере того, как он пытался понять слова:

– Захар!!! Мать твою!!! – орал во всю мощь голосовых связок командир. – Не смотри туда! Не смотри, утянет! Отведи взгляд, смотри вперед, на горизонт! Захар, не смотри!!!

И – трехэтажно, во всю глотку, с выкрутасами!

– Юра, ходу, ходу!!! Тяни вверх, мать-перемать...

Захар как будто вынырнул из чего-то мазутного, страшно-тягучего, куда, казалось, уже опустился безвозвратно. Почувствовал, как припадочно трясет и кидает вертолет, то стремительно, натужно – вверх, то, ухая, – вниз, как в пропасть, надсадно пищат и плачут какие-то приборы, Иваныч матерится во все горло, поминая всех подряд, а бледный, как полотно, Юрик суетится, что-то судорожно вытворяет руками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.